

У дверей стояли родители Ван Ина.

Накануне они полночи провели в спорах и в итоге решили, что должны съездить в город. Нужно было во что бы то ни стало задобрить Ван Ина и вернуть его расположение. Родственники со стороны мужа-то теперь — землевладельцы, и если к ним примазаться, жизнь определённо наладится!

Расспросив дорогу, они добрались до лавки. Ван Лаошуань подтолкнул жену:

— Иди, позови его.

— Я не смею, — пролепетала та. — А что, если он меня бамбуковой палкой огреет?

Муж сверкнул на неё глазами, и та, испуганно опустив голову, подошла к двери.

— Тук-тук-тук, — госпожа Ван постучала в дверь. — Инцзы...

— А? — Ван Ин по привычке откликнулся на звук и, подняв голову, увидел стоявших в дверях людей. Лицо его тут же окаменело. Он так и знал, что эта семейка так просто его не оставит.

— Что вы здесь делаете?

— Пришли навестить тебя, — сказала мать и потянула за собой старика. Тот выдавил из себя натянутую улыбку.

Юноша холодно усмехнулся:

— Посмотреть, не забил ли меня до смерти ваш старший сынок?

— Что ты такое говоришь? Вчера твой старший брат пришёл, съел всего один огурец, а ты с него денег потребовал...

— А у кого он ест бесплатно? К тому же, эти огурцы продаются по двадцать с лишним вэней за цзинь. Он схватил и съел, так почему я не мог потребовать денег?

— Д-двадцать с лишним вэней? — Услышав это, госпожа Ван вся просияла. Она и не думала, что овощная лавка приносит такую прибыль.

Ван Ин понял, о чём она думает, и, поднявшись, схватил бамбуковую палку. Супруги в страхе попятились за порог.

— Если не собираетесь ничего покупать, говорите на улице.

— Инушка, я знаю, ты обижен. Во всём виновата твоя мать. Прости нас, пожалуйста.

— Я не понимаю, о чём вы. Убирайтесь!

Ван Лаошуань, видя такое, нахмурился и напыжился:

— Ты что задумал? На собственных родителей руку поднять хочешь?!

— Каких ещё родителей? Вы, верно, из ума выжили. Бумага о разрыве родства подписана, я давно уже не член вашей семьи Ван. Хотите и здесь пожить? Тьфу! Да вы посмотрите на себя в луже, есть ли у вас на это право!

Старики остолбенели. Когда это их тихий и покладистый второй сын стал таким дерзким? От такого отпора они на мгновение лишились дара речи.

Ван Ин, воспользовавшись моментом, захлопнул дверь и тут же задвинул деревянный засов. Когда те двое опомнились, попасть внутрь было уже невозможно.

— Открывай, неблагодарный сын! Я твой родной отец, как ты смеешь так со мной говорить! Совсем совесть потерял, пёс её сожрал?!

Госпожа Ван, в свою очередь, затянула жалобную песню:

— Второй, да, за эти годы тебе пришлось нелегко. Но в какой крестьянской семье дети не работают? Мы ведь тебя вырастили!

Внутри Ван Ин молчал, поражаясь их наглости.

«И теперь они говорят, что вырастили его? — возмущился он про себя. — Не они ли его растили? Бесстыдники!»

Если бы не бабушка прежнего владельца тела, его бы утопили сразу после рождения. А когда бабушка умерла, он уже подросток и мог работать. Только поэтому семья Ван и оставила его, используя как раба.

Триста шестьдесят дней в году, ни одного дня отдыха. Жизнь хуже, чем у скота. Скотине хоть

дают передышку, а он, даже в лихорадке, должен был стирать и готовить для всей семьи.

В памяти всплыло воспоминание. Однажды зимой у маленького Ван Ина не было тёплой одежды, и он простудился. Весь в жару, слабый и с головокружением, он всё равно должен был таскать воду и готовить еду. У реки он рухнул на лёд и пролежал без сознания больше часа. Очнувшись, с окоченевшими от холода руками и ногами, он из последних сил дотащил воду домой, но вместо сочувствия получил лишь брань и две пощёчины от матери.

Чудом выжил. Иначе трава на его могиле уже выросла бы в несколько чи. Бесстыдники!

Ван Лаошуань, видя, что дверь не поддаётся, в ярости принялся пинать её ногами.

— Эй! Что вы делаете? — Чэнь Цинъянь, увидев это, подобрал полы одежды и подбежал.

Госпожа Ван смерила его взглядом с ног до головы.

— Ты ещё кто такой?

— Я его муж!

— Ох, так это зятёк?

— Кто вам зятёк? — Чэнь Цинъянь отмахнулся от женщины, которая попыталась вцепиться в него, и с опаской посмотрел на незваных гостей.

— Я твоя тёща, мать Ван Ина.

Старик попытался изобразить важного тестя. Он смерил юношу оценивающим взглядом, но, не дождавсь приветствия, кашлянул и произнёс:

— Я твой тесть, отец Ван Ина.

Чэнь Цинъянь, не удостоив их и взглядом, прошёл мимо и постучал в дверь лавки.

— Тук-тук-тук. Открывай, это я.

Дверь приоткрылась. Ван Ин выглянул, огляделся по сторонам и, увидев, что парочка никуда не ушла, быстро втащил супруга внутрь и снова заперся.

— Они тебя не тронули? — взволнованно спросил Чэнь Цинъянь, осматривая его.

— Нет. Не обращай на них внимания. Ах, как вкусно пахнут жареные рыбные лепёшки от тётушки Чэнь! Эй, а где палочки?

Молодой человек остановил его руку, тянущуюся к еде.

— Ты так и позволишь им стоять снаружи и порочить твоё имя?

— А что я могу сделать? Ругаться с ними — только рот марать. А если драться, то и правый станет виноватым.

— Я поговорю с ними.

— Не надо. Ты не знаешь этих людей. Они жадные и бесстыжие. Их и бранью не прогонишь. Если они почувствуют здесь наживу, то потом от них вообще не отвяжешься!

— Успокойся, у меня есть способ. Эту проблему нужно решить, иначе они будут приходить сюда каждый день. Как ты тогда будешь торговать? — С этими словами Чэнь Цинъянь встал и открыл дверь.

Ван Ин не смог его удержать. Стиснув зубы, он решил действовать по обстоятельствам.

Увидев открытый проход, старики тут же ворвались внутрь и вперились в хозяев воровскими глазками, боясь, что те сбегут.

— Вы родители Ван Ина? — первым заговорил Чэнь Цинъянь.

— Да-да. В день свадьбы зятёк был тяжело болен и не смог приехать за невестой, вот мы и не виделись.

— Как раз вовремя. Забирайте своего Ван Ина обратно.

— А?

— Что?

Опешили не только родители Вана — даже сам юноша уставился на него с немым вопросом, не понимая, что тот задумал.

— Я женился на нём только ради ритуала чунси, — с раздражением произнёс Чэнь Цинъянь. — Иначе кто бы взял в жёны необразованного деревенского гэ'эра? Ни внешности, ни умения говорить. Кроме как работать, ни на что не годен.

Он сделал паузу и подмигнул супругу. Тот мгновенно всё понял и, опустив голову, принял покорный и смиренный вид.

— Наша семья Чэнь, как-никак, землевладельцы. Мой дядя — чжоуму шестого ранга. Я — старший сын, и в жёны мне полагается хозяйка, способная блистать в приличном обществе, а не этот деревенский дикарь.

Ван Ин достал платок и принялся понарошку утирать слёзы. Его родители, услышав это, встревожились. Перед поездкой они слышали от старшего сына лишь о том, как хорошо живётся второму, и думали, что он в большом почёте, а оказалось, что им пренебрегают.

Ван Лаошуань вспомнил о десяти гуанях выкупа, и лицо его изменилось.

— Так говорить нельзя. Хотя Ван Ин и не ровня городским гэ'эрам и девицам, но он уже стал твоим. Раз женился, то и возвращать его не годится...

— Как это не годится? В деревне за гэ'эра и двух гуаней не тратят, а я заплатил десять, так что и взять должен был лучшего. Давайте так: вы возвращаете мне восемь гуаней и забираете его, а остальные два я вам прощу.

Не то что два гуаня — старик и двух связок монет пожалел бы. Услышав это, супруги тут же развернулись и направились к выходу.

— Отец, мать, не бросайте меня! — с плачем бросился за ними Ван Ин.

— Отстань! Кто тебе отец? Мы давно подписали бумагу о разрыве! Ещё раз подойдёшь... ещё раз подойдёшь, я стражу позову!

Юноша едва сдерживал смех, живот уже сводило, но на лице он сохранял выражение безутешного горя.

— Семья Чэнь меня презирает, и вы от меня отказываетесь. Уж лучше мне головой о стену убиться!

Госпожа Ван с отвращением оттолкнула его.

— Хочешь умереть — умри в другом месте, не пачкай нам одежду.

С этими словами она ускорила шаг, и они скрылись, словно спасаясь бегством. Лишь когда они отошли подальше, Ван Ин громко расхохотался и, обернувшись, показал Чэнь Цинъяню большой палец.

Тот, покраснев до кончиков ушей, смущённо почесал затылок.

— Иди ешь скорее, пока всё не остыло.

Ван Ин сбегал к соседнему лотку с вонтонами и одолжил две пары палочек.

— Ты ел? Давай вместе.

— Хорошо.

Еда ещё была тёплой. Сегодня тётушка Чэнь приготовила три блюда: жареные лепёшки с мелкой речной рыбкой, которую продавали в городе по десять вэней за цзинь; тушёные баклажаны и яичницу с огурцами.

Овощи, что не успевали продать, Ван Ин каждый вечер забирал домой, что позволяло неплохо экономить. Во время еды он толкнул соседа плечом:

— Эй, а ты ведь сейчас говорил то, что на самом деле думаешь, да?

— Как такое возможно?! — Чэнь Цинъянь тут же отложил палочки и серьёзно возразил: — Это была лишь уловка. Все слова — ложь. Неужели мне нужно говорить, что я о тебе думаю на самом деле?

— Я просто дразню тебя, — усмехнулся юноша. — Знаю, что ты притворялся. Просто не ожидал от тебя такой прыти. Ты меня поразил.

Тот снова покраснел.

— Я просто боялся, что они снова будут тебя донимать. Как могут быть на свете такие бессердечные родители? Так подло поступать с родным сыном... просто сердце леденеет.

«Эх, неважно. Они мне не навредят», — подумал Ван Ин.

Настоящий владелец тела, скорее всего, расстроился бы, но нынешний не чувствовал ничего, кроме лёгкого омерзения, словно наступил в собачье дерьмо. Но нельзя не признать, что уловка Чэнь Цинъяня сработала на отлично. Теперь, скорее всего, если семья Ван и появится в городе, то будет обходить их стороной.

После обеда снова пришёл хозяин ресторана «Инэкэ».

В прошлый раз он заходил узнать цены на овощи и, посчитав их слишком высокими, попытался сторговаться, но Ван Ин его просто проигнорировал. Прождав четыре-пять дней и не получив никаких вестей, Чжао Лань начал беспокоиться.

В городе было три ресторана, и его «Инэкэ» считался самым большим. Все знатные и уважаемые люди города устраивали банкеты именно у него. В последние дни несколько гостей спрашивали, есть ли свежие овощи. Если он их не закупит, то два других заведения его обойдут.

Чжао Лань кашлянул и с самой любезной улыбкой вошёл в лавку.

— Оба хозяина на месте, я смотрю.

Двое, склонившиеся над счётной книгой, подняли головы.

— Господин Чжао пожаловал.

— Эх, хе-хе-хе... Я в прошлый раз заходил насчёт овощей. Не знаю, что надумал хозяин Ван?

— Цену, право, уступить не могу, — ответил юноша. — Каждого вида овощей могу поставлять не более пяти цзиней в день.

— Всего пять цзиней?

— Так ведь хозяин Ян из «Цуйсяна» вчера заходил и тоже заказал у нас овощи. Если отдам больше, нам самим продавать будет нечего.

Услышав это, Чжао Лань тут же забеспокоился.

— Хорошо, хорошо! Цена та, что и договаривались. Но пять цзиней должны быть самыми свежими!

— Разумеется. Если господин хозяин сомневается, можете прислать своего работника, чтобы тот сам отбирал.

— Договорились. А те помидоры ещё есть?

— Есть, но их немного. Семье хозяина зерновой лавки Фэна они очень полюбились, они каждый день присылают человека за ними. Если хотите, могу выделить вам двадцать штук. Десять вэней за штуку.

— Так дорого? — Чжао Лань замялся.

— Если вам не нужно, я продам их хозяину Яну...

— Нужно, нужно! Все мне оставьте! — Конкуренцы — злейшие враги. Даже если дорого, он не позволит «Цуйсяну» себя обойти.

— Будьте добры внести залог.

— У меня такой большой ресторан, неужели я вас обману?

— Конечно, нет, — улыбнулся Ван Ин. — Но у нас дело маленькое, нам эти деньги нужны, чтобы новый товар закупить, иначе оборота не будет.

— Ладно. Тогда я закажу овощи на полмесяца. И оставьте мне самые свежие!

— Не беспокойтесь. — Юноша достал счёты и, щёлкнув костяшками, произнёс: — Залог — половина суммы. Итого три гуаня пятьсот семьдесят вэней. Мелочь я вам прощаю, с вас три гуаня и пятьсот вэней.

Тот несколько раз пересчитал сам и, убедившись, что всё верно, с болью в сердце отсчитал деньги. Семь лянов серебра за полмесяца овощей — до чего же дорого! Но что поделать, если свежие продукты есть только здесь, а в других местах и листика не найдёшь. Нужно обязательно выяснить, откуда он их привозит!

Проводив хозяина Чжао, Ван Ин радостно подбросил в руке серебряный слиток и протянул его Чэнь Циньяню.

— Ну как, неплохо я дела веду?

— Я всё ещё беспокоюсь, что кто-нибудь начнёт допытываться, откуда овощи.

— Не волнуйся. Я не зря прикрылся именем твоего четвёртого дяди, когда открывал лавку. Он как-никак чиновник шестого ранга. Простые люди не посмеют нас трогать.

Но это была лишь одна из мер. Ван Ин подготовился и к другому. Несколько дней назад, болтая с Эршунем, он неожиданно узнал, что в поместье есть тёплый источник, или, как сказали бы в его мире, онсэн. В том месте было тепло круглый год, и даже в самую холодную зиму вокруг росла зелёная трава. Он решил, что следующей весной, когда в лавке будет поспокойнее, построит у источника небольшую усадьбу и будет выращивать там зимой овощи для прикрытия. Так, если кто-то придёт с проверкой, ему будет что показать.

После полудня погода испортилась. Небо затянули свинцовые тучи, подул северный ветер — верный признак скорого снегопада. Ван Ин пораньше закрыл лавку, и они вместе отправились домой.

На полпути повалил снег, словно кто-то щедрой рукой сыпал с небес соль. Они ускорили шаг и почти бегом добрались до дома. У самых дверей их встретила госпожа Ли. Она стояла на пороге и, улыбаясь, махала им рукой.

— Мама, почему вы ждёте на улице?

— Вас ждала. Замёрзли, небось? Я сегодня горячий котёл приготовила. Идите скорее, поешьте, согрейтесь.

— Ух, как вкусно пахнет! — Ван Ин снял с себя тяжёлую накидку. Чэнь Цинъянь подхватил её, стряхнул налипший снег и повесил на вешалку.

— А где Цинъюнь и Цинсун?

— Они уже поели. Я тоже. Вы ешьте, пока горячее.

Горячий котёл — это тушёные в глиняном горшке овощи. Внутри были куски редьки и мясо, и пахло от блюда восхитительно. Мясо в горшке было мягким и сочным. На вкус оно не походило на свинину, скорее на говядину. В династии У есть говядину было запрещено, поскольку быки считались главной тягловой силой.

— Что это за мясо такое вкусное?

— Сегодня ходила к семье Цю на праздник в честь первого месяца со дня рождения внука. Госпожа Цю подарила кусок мяса дикого зверя, добытого на горе. Я попросила тётушку Чэнь потушить его.

Они не стали больше расспрашивать и, усевшись, принялись за еду. На самом деле, это было мясо оленя. Сегодня, в гостях у семьи Цю, госпожа Ли смотрела на их крупного внука и не могла сдержать зависти. Она поделилась своими переживаниями со старой подругой.

— Представляешь, эти двое поженились уже давно, а детей всё нет. Недавно слуги сказали, что они даже спят в разных кроватях. Не знаю, когда я дождусь внуков.

Госпожа Цю таинственно притянула её к себе.

— У меня есть одна хорошая вещь. Когда будешь уходить, я тебе дам. Приготовишь молодым, и дело сразу сладится!

Она вся обратилась в слух:

— Что за вещь?

— Младший дядя наших сватов — охотник. Недавно на горе подстрелил оленя и подарил нам заднюю ногу. Я велела слугам приготовить немного, и знаешь что?

— Что?

На щеках госпожи Цю проступил румянец, и она, прикрыв рот рукой, прошептала:

— Эта штука — сильный афродизиак. Старик потом меня полночи мучил.

— Ох! — Лицо госпожи Ли тоже смущённо покраснело.

Они переглянулись и громко рассмеялись. Уходя, подруга отдала ей оставшееся мясо. Ван Ин съел большую часть, Чэнь Цинъянь тоже не отставал. Двое молодых людей вычистили горшок до дна, выпив даже бульон.

Сидевшая рядом госпожа Ли смотрела на них с материнской нежностью и улыбалась. Ешьте, ешьте побольше. Поедите, и подарите ей большого внука.

<http://bllate.org/book/15812/1431932>